УКАЗАТЕЛЬ

ТВЕРСКОЙ СТАРИНЫ.

Н. Н. Овсянниковъ.

Изданіе состоящей подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Цѣна 10 коп.

ТВЕРЬ.
Типографія губернскаго правленія
1903 г.

УКАЗАТЕЛЬ

ТВЕРСКОЙ СТАРИНЫ.

Составилъ Н. Н. Овсянниковъ для Тверского областного археологическаго съѣзда въ 1903 году.

Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

ТВЕРЬ.
Типографія губернскаго правленія.
1903 г.

Печатано по распоряженію Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

I.

Тверская губернія въ археологическомъ отношеніи.

Въ нынѣшнемъ году, съ десятаго по двадцатое августа, соберется въ Твери второй областной съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Новгородской и Ростово-Суздальской областей, согласно данному на то разрѣшенію. Близость Твери къ двумъ столицамъ, удобное сообщеніе по Николаевской желѣзной дорогѣ, и по Волгѣ—съ Ярославлемъ и Костромой,—а равно памятники Тверской старины—монастыри Отрочъ и Желтиковъ, соборъ Св. Спаса, церковь «Бѣлая Троица» (XVI вѣка)—и богатый Музей,—даютъ возможность предполагать, что на предстоящій съѣздъ соберется поболѣе археологовъ, чѣмъ было ихъ на первомъ областномъ съѣздѣ въ Ярославлѣ, два года тому назадъ. Успѣхъ занятій на такомъ съѣздѣ много зависитъ отъ предварительной подготовки къ нему археологовъ и отъ разнаго рода удобствъ для ознакомленія ихъ съ тѣмъ, что уже сдѣлано мѣстными изслѣдователями въ изученіи памятниковъ старины, рукописей Музея, монетъ, мѣстной исторіи и культуры. Съ этою цѣлью я прошу позволенія подвести итоги сдѣланному, пользуясь, въ качествѣ члена Тверской Ученой Архивной Комиссіи, всѣмъ собраннымъ ею матеріаломъ. Я

начну съ обозрѣнія Тверской губерніи въ археологическомъ отношеніи, ограничиваясь объемомъ небольшой статьи, т. е. обращая вниманіе только на самое существенное.

Тверская губернія издавна принадлежала новгородцамъ, имѣвшимъ здѣсь три главныя поселенія: Волокъ-нынѣшній Волочекъ, Торжокъ и Бѣжецкъ съ волостями. Суздальскіе города Кснятинъ, Тверь и Кашинъ основываются здѣсь не ранѣе XII в. Ржевомъ владѣли тогда кривичи и этотъ городъ съ его княжествомъ принадлежалъ и послѣ Москвѣ, а не Твери. Новгородскій говоръ въ Тверской области, отличающійся *оканіемъ*, (а не *аканіемъ*, какъ московскій), *цоканіемъ* а не *чаканіемъ*, основы русскаго искусства, особенно въ архитектурѣ «закоморы» или «кокошники», рѣзьба по дереву, украшавшая иконостасы церквей, и еще болѣе апокрифы, сохранившіеся въ рукописяхъ Тверского Музея, доказываютъ, что новгородское вліяніе на культурную исторію Тверской области изъ всѣхъ другихъ—ростовскаго, смоленскаго и московскаго (послѣднее съ XV в.),—было преобладающимъ. Раскопки могилъ, городищъ и кургановъ въ Тверской области отчасти подтверждаютъ такое заключеніе: многіе изъ нихъ новгородскаго типа. Всего болѣе кургановъ встрѣчается здѣсь по берегамъ Волги, начиная отъ г. Ржева; всего менѣе въ широкой полосѣ, проходящей посрединѣ нынѣшней Тверской губерніи между Ржевомъ и озерами до Бѣжецка. Курганы по теченію р. Тверцы извѣстны, начиная только отъ Торжка. Гдѣ находимъ болѣе кургановъ, тамъ и были самыя населенныя съ давнихъ поръ мѣстности въ Тверской области. Естественно ожидать, что такими мѣст-

ностями были берега Волги, по ней шли съ X вѣка, а можетъ быть, и ранѣе, торговыя сношенія съ арабами черезъ Камскую Болгарію: монеты, найденныя въ курганахъ, описанныя покойнымъ А. К. Жизневскимъ,— саманидскіе, бувейгадскій и аббасидскіе диргемы (№№ 1026—1037),—подтверждаютъ сказанное.

Судя по раскопкамъ кургановъ и могилъ, произведеннымъ въ 1874 г. И. С. Поляковымъ по берегамъ озеръ Селигера, Стержа, Овселука и др., въ Осташковскомъ уѣздѣ, здѣсь были поселенія или стоянки еще въ каменномъ вѣкѣ. Позднѣе число ихъ могло увеличиться: эта мѣстность находилась вблизи торговаго пути изъ Варягъ въ Греки, потому что отъ Смоленска шла вѣтвь этого пути къ Волгѣ, по рѣкамъ Вазузѣ и Тьмѣ. Затѣмъ древнѣйшими курганами края признаются сопки ногородскаго типа въ Осташковскомъ и Вышневолоцкомъ уѣздахъ. Ихъ разрывали Ушаковъ и Уткинъ. Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, близъ р. Медвѣдицы, которая въ старину была границей Новгородской области съ другими (Суздальской, потомъ Тверской) областями, Ѳ. Н. Глинка, извѣстный поэтъ, скончавшійся въ Твери въ 1880 г., написавшій книгу «О древностяхъ въ Тверской Кареліи» въ 1836 г.,—близъ одной изъ такихъ сопокъ нашелъ камень съ надписью «Степанъ» и съ изображеніемъ чего то въ родѣ лабиринта. Камень подробно описанъ на 26 стр. «Описанія Тверского Музея» А. К. Жизневскимъ. Г. Воронцовъ раскапывалъ потомъ такія же сопки въ с. Боженкахъ, Кашинскаго уѣзда, и на р. Сити, гдѣ была битва съ татарами въ 1238 г., въ которой погибъ вел. князь Юрій II Всеволодовичъ. Извѣстно, что эта битва была въ Тверской, а не въ Яро-

славской губ., какъ предполагали прежде. Всѣ эти могильники X—XII в., болѣе раннихъ въ Тверской губерніи не найдено. Въ 1872 г. Европеусъ и Аспелинъ раскопали 16 кургановъ близъ посада Бѣжечи, но найденныя вещи сохраняются въ Гельсингфорскомъ Музеѣ. Въ Ржевскомъ уѣздѣ, въ 1878 г. раскопано 30 кургановъ г. Щегловымъ. Найденныя въ нихъ вещи принадлежатъ къ характернымъ смоленскимъ типамъ. Собственно Тверскіе курганы, въ Старицкомъ, Тверскомъ и Корчевскомъ у., разрытые въ 1879 г. Бастановымъ, Щербаковымъ, Сизовымъ и другими, и въ 1890 г. В. А. Плетневымъ (близъ с. Отмичь), отличаются отъ другихъ тѣмъ, что погребеніе совершалось въ нихъ въ неглубокихъ грунтовыхъ ямахъ и нѣкоторыя курганныя насыпи окружены въ основаніи валунами. Повидимому, это уже болѣе поздніе курганы. Высота насыпей лишь до 1½ аршинъ. Раскопками кургановъ въ Тверской губерніи занимались также: г.г. Чагинъ, Мамонтовъ, Ладыженскій, Кункинъ и др.

Въ Новгородской части Тверской губерніи извѣстны еще жальничныя погребенія. Могилы такого типа обложены камнями и плитами, на нѣкоторыхъ плитахъ выбиты кресты. До 100 такихъ старыхъ могилъ находится близъ курганныхъ группъ около дер. Абакумовой, Вышневолоцкаго у. Ихъ раскапывали въ 1844 г. Ушаковъ, и въ 1883 г. Воронцовъ.

Довольно много вещей, найденныхъ въ курганахъ и могилахъ, сохраняется въ Тверскомъ Музеѣ. Въ «Описаніи Тверского Музея» А. К. Жизневскаго (М. 1888) онѣ перечислены на стр. 9—41. Очень жалко, что немногіе изъ пріѣзжихъ на Тверской съѣздъ археологовъ

будутъ имѣть случай пріобрѣсти себѣ эту книгу: она стоитъ дорого (10 р.) и ея, кажется, нѣтъ болѣе въ продажѣ. Да и въ ней описана только $^1/_5$ часть предметовъ, относящихся къ первобытнымъ древностямъ, хранящихся въ Музеѣ. Другимъ пособіемъ для знакомства съ раскопками въ Тверской губерніи можетъ служить почтенный трудъ В. А. Плетнева «О курганахъ и городищахъ Тверской губерніи» 1876 г. Къ предстоящему съѣзду В. А. Плетневъ готовитъ новое дополненное изданіе карты Тверской губерніи съ обозначеніемъ кургановъ и городищъ.

Наконецъ, въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества» (Т. IX. Вып. 1 и 2) въ 1897 г. помѣщено обозрѣніе Тверской губерніи въ археологическомъ отношеніи (ст. 278—294), которымъ мы и пользовались въ настоящей статьѣ.

II.

Тверской Музей

Тверской Музей, своими остатками мѣстной старины, какъ вещественными памятниками прошлой жизни, безъ сомнѣнія, заслужитъ особое вниманіе археологовъ на предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ въ Твери. Открытый въ 1866 году, помѣщавшійся сначала въ зданіи мужской гимназіи, а съ 1897 года переведенный въ зданіе Императорскаго Дворца, Тверской Музей, какъ вещественная лѣтопись края, найденная и сохраненная цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ любителей археологіи, начиная съ предшественниковъ современнымъ: А. К. Жизневскаго, Ѳ. Н. Глинки, кн. П. Р. Багратіона и др., имѣетъ громадный интересъ для исторіи и археологіи Тверского края. Въ немъ сохраняются въ многочисленныхъ его залахъ, кромѣ библіотеки съ рукописями, остатки каменнаго вѣка: кости мамонта, находимые въ Тверской губ., кремневые наконечники стрѣлъ и копій, каменные молоты, камни и надгробные памятники съ надписями и разными изображеніями,—изъ послѣднихъ Стерженскій крестъ относится къ 1133 году,—иконы, складни, покровы, фелони, домашняя утварь: посуда, вѣсы, наряды, оружіе; наконецъ, довольно полная коллекція тверскихъ и другихъ монетъ. Описаніе археологическаго отдѣла Тверского Музея составлено А. К. Жизневскимъ, а отдѣла рукописей М. Н. Сперанскимъ; но то и другое, и по цѣнѣ, какъ библіографическая рѣдкость, и по неимѣнію въ мѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, не легко могутъ быть пріобрѣтены.

Стерженскій крестъ, найденный въ 1878 г. на озерѣ

Стержъ, Осташковскаго уѣзда, при впаденіи въ него рѣки Волги, съ надписью XII вѣка — лучшее и самое дорогое, что составляетъ славу Музея, занимая послѣ знаменитаго Тмутараканскаго камня второе мѣсто въ исторіи древнѣйшихъ археологическихъ памятниковъ. Думаютъ, что онъ былъ поставленъ новгородцами (въ 1133 г.) для указанія водяныхъ путей сообщенія при доставленіи въ Новгородъ хлѣба съ верховьевъ Волги, на случай войны съ Суздалемъ (Владиміромъ), когда Суздальскіе князья не пропускали по Тверцѣ хлѣбъ, въ которомъ всегда нуждался Новгородъ. Три огромные камня въ Музеѣ, съ высѣченными въ глубь изображеніями, состоящими изъ прямоугольниковъ и квадратовъ на двухъ и съ надписью «Степанъ» на третьемъ, должны привлечь вниманіе археологовъ. Двойныя ли на двухъ руны, по мнѣнію однихъ изслѣдователей, скандинавскіе ли знаки, по мнѣнію другихъ, или что значитъ самая надпись «Степанъ», не межевой ли то знакъ владѣній какого то лица въ XII в., или что другое,—все это ждетъ отвѣта отъ археолога. Также интересенъ въ Музеѣ и надгробный памятникъ 1499 г. Аѳанасія Иванова сына Острожева по изображенному на немъ трехконечному египетскому или Антоніеву кресту, встрѣчающемуся и на другихъ памятникахъ здѣсь.

Въ отдѣлѣ церковныхъ древностей имѣется въ Музеѣ много древнихъ иконъ. Нѣкоторыя изъ нихъ украшены финифтью, басмой, филигранью; другія сдѣланы изъ слоновой кости,—напримѣръ жертвоприношеніе Исаака, пребываніе Адама и Евы въ раю и изгна-

ніе ихъ изъ рая; третьи—цѣнные въ мѣстной исторіи. Таковы, напримѣръ, иконы: св. благовѣрнаго вел. кн. Михаила Ярославича Тверского и св. Арсенія, покровителей Твери,—на одной иконѣ они держатъ въ рукахъ Тверской кремль, на другой кремль изображенъ около ихъ ногъ;—икона св. князя Владиміра и преподобныхъ Аркадія новоторжскаго и Моисея Угрина, съ изображеніемъ въ облакахъ Знаменія Пресвятой Богородицы. Послѣдняя написана въ XVII в., по обѣщанію игумена Діонисія, тверского уроженца, прославленнаго по его дѣятельности въ Смутное время, знаменитымъ Симономъ Ушаковымъ и его ученикомъ Георгіемъ. Другая икона письма Ушакова—ап. Петръ и Павелъ; на ней дата: ҂зроа (1663 г.). Такова же икона Благовѣрнаго князя Владимира ржевскаго и княгини Агриппины. Рядомъ съ ней слѣдуетъ поставить надгробную доску съ ихъ изображеніями. Доска эта привезена въ Тверь изъ Ржева (въ 1745 г.), гдѣ чтилась ихъ память, долго хранилась въ кладовой подъ колокольней и послѣ попала въ Музей. Замѣчательна также большая икона Спаса съ княземъ Владиміромъ Ржевскимъ и княгиней Агриппиной, припадающими къ ногамъ Спаса; икона эта по письму XVI стол. Такимъ же мѣстнымъ интересомъ отличается списокъ съ иконы преподобнаго Діонисія, архимандрита Троице-Сергіева монастыря, икона кн. Анны Кашинской, жены св. бл. кн. Михаила Ярославича, икона Максима Грека, который находился въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ въ заточеніи въ теченіи 20 лѣтъ, Константина Новоторжскаго, и др.

Кресты тѣльники, наперсные и привѣсные къ иконамъ составляютъ отдѣльное собраніе въ Музеѣ Въ это

собраніе вошли, въ числѣ 53, пожертвованные бывшимъ ржевскимъ городскимъ головой Берсеневымъ. Изъ числа наперсныхъ крестовъ, согласно указанію Г. Д. Филимонова, извѣстнаго знатока археологіи, нѣкоторые IX или X в. Это будутъ тѣ, на которыхъ нѣтъ еще христіанскихъ изображеній, а одинъ лишь орнаментъ. Были попытки распредѣлить кресты по вѣкамъ, но вполнѣ не удались. Въ большой комнатѣ церковнаго отдѣла весьма замѣчательны цвѣтныя стекла, числомъ 14, съ нѣмецкими надписями конца XVI и XVII столѣтія. Въ этой же комнатѣ—деревянныя во весь ростъ статуи апостоловъ Петра и Павла изъ пог. Стержъ Осташковскаго уѣзда.

Покровы и лоскуты тканей въ Музеѣ весьма разнообразны. Пять покрововъ XVI в. составляютъ даръ Краснохолмскаго Антоніева монастыря. Индитія (напрестольная пелена), доставленная въ Музей Новоторжскимъ Борисоглѣбскимъ монастыремъ, съ изображеніемъ образа Похвалы Богородицы, 1671 г. Есть фелони, сдѣланныя изъ выбойки и червчатаго бархата, простыя и шитыя золотомъ и серебромъ; есть древнія епитрахили и ширинки: ширинки—это пелены, подвѣшиваемыя къ образамъ. Одна епитрахиль съ ликами святыхъ и съ финифтяными дробницами, похожа на омофоръ святителя Алексѣя въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ и также напоминаетъ своими рисунками облаченіе митрополита Фотія въ патріаршей ризницѣ; по мнѣнію Г. Д. Филимонова, представляетъ собою заимствованія изъ древнѣйшихъ памятниковъ византійскаго искусства. Бархатные и шелковые лоскуты старинныхъ тканей

XVII в., шелковая камка, набитая разноцвѣтными цвѣтами, лоскуты съ вышитыми на нихъ шелкомъ и золотомъ изображеніями святыхъ,—заслуживаетъ тоже особаго вниманія.

Въ числѣ церковныхъ вещей сохраняются въ Музеѣ подсвѣчники, паникадила, брачные вѣнцы, церковные сосуды, желѣзныя вериги, два била и старинныя свѣчи. Одна изъ свѣчъ, найденная въ р. Нерли, вѣсомъ въ пудъ. Другая—съ надписью, что она была поставлена въ 1650 г. княземъ Аникитой Ивановичемъ Мещерскимъ, въ церкви с. Кондратова Весьегонскаго уѣзда.

О нумизматическомъ отдѣлѣ Тверского Музея готовится къ съѣзду особое изслѣдованіе нашего сочлена М. В. Рубцова, потому мы говорить много о немъ не будемъ. Въ Музеѣ имѣются иностранныя монеты, найденныя въ Тверскомъ краѣ, монеты тверскія, монеты другихъ княжествъ: московскаго, рязанскаго, новгородскаго, псковскаго и др.; царскія монеты, начиная съ Іоанна Грознаго и до Петра Великаго.

Въ собраніи портретовъ въ Музеѣ обращаетъ на себя особое вниманіе пожалованный Его Высочествомъ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ миніатюрный портретъ Великой Княгини Екатерины Павловны, въ память высокаго благоволенія его бабки къ Твери, гдѣ она провела три года съ своимъ супругомъ, управлявшимъ водяными путями сообщенія и бывшимъ генералъ-губернаторомъ трехъ губерній: Тверской, Новгородской и Ярославской, принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, скончавшимся въ 1812 г. въ Ярославлѣ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о рукописяхъ Тверского Музея. Обращаемъ вниманіе на одни литературные памятники. Большинство ихъ по древности не восходитъ далѣе XVI—XVIII в., если исключить одинъ пергаментный отрывокъ изъ служебной Минеи, по опредѣленію академика И. В. Ягича, XII в. и другой на семи листахъ «Служба на свѣтлую недѣлю»—XV в. Житія мѣстныхъ святыхъ находятся почти всѣ, а также много житій святыхъ изъ окружающихъ губернію сосѣднихъ мѣстъ. Два канонника XVII в. съ заглавными писанными киноварью буквами. Весьма разнообразное собраніе службъ; нѣкоторыя изъ нихъ, напр. служба Нилу Столобенскому, соединены съ житіями святыхъ. Рукописи съ поученіями носятъ иногда общее названіе сборниковъ. Поученія принадлежатъ Василію Великому, Іоанну Златоусту, Ефрему Сирину, Іоанну Дамаскину, Макарію Великому, Нилу Сорскому и др. святымъ и инокамъ. Въ сборникахъ же находимъ и памятники отреченной литературы, по всей вѣроятности, заимствованные изъ Новгорода. Затѣмъ слѣдуетъ назвать до сорока повѣстей въ числѣ рукописей Музея: о преподобномъ Агапіи, котораго Господь ввелъ въ рай, объ Акирѣ премудромъ, объ Александрѣ Великомъ, о рожденіи Петра Великаго, о царствѣ казанскомъ, объ Іерусалимѣ, о печерскомъ монастырѣ и т. п. Особенною подробностью отличаются повѣсти изъ сборника «Зерцала Великаго». Изъ посланій имѣются многія. Посланіе Василія новгородца о раѣ помѣщено въ толковой псалтири Ѳеодорита въ рукописи XVIII в. Тамъ же посланіе Іоанна Васильевича Грознаго въ Кирилловъ монастырь, патріарха Іова къ Николѣ Иверскому, Іоси-

фа Волоцкаго къ Нифонту, митрополита Фотія къ Ивану новгородскому и др.; тамъ же, въ концѣ книги, рецептъ для чернилъ.

Такого рода контрасты повторяются и въ рукописяхъ Музея, принадлежащихъ къ разряду сказаній. Рядомъ съ сказаніями объ Августѣ Кесарѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ, о Вавилонскомъ царствѣ, о Владимірѣ Мономахѣ, о Димитріи Донскомъ, объ Иванѣ мученикѣ казанскомъ, о началѣ земли русской, объ основаніи Отроча монастыря, о царствѣ казанскомъ и т. п.,—помѣщаются повѣствованія: о гусарѣ, о дикихъ людяхъ, кіимъ святымъ молитися, о кончинѣ міра, о пользѣ душевной, чего ради покланяемся на востокъ, и т. п.

Лѣтописи въ Музеѣ: двѣ рукописи Димитрія Ростовскаго, новый лѣтописецъ письма 1751 г., краткій лѣтописецъ Ломоносова, Соловецкій, новый лѣтописецъ, скоропись XVII в., заключающій въ себѣ степень царя Ѳедора Іоанновича, хронографъ XVII в., начало Стоглава XVII в. (43-я глава), и др.

Много травниковъ, лечебниковъ, азбуковниковъ, луцидаріусовъ. Особенно интересенъ между ними лечебникъ: «Прохладный вертоградъ», въ рукописяхъ XVII и XVIII в. Зубную боль въ немъ совѣтуютъ лечить чернильнымъ орѣшкомъ! Въ числѣ лекарствъ названы: уши іудовы, носики оленьи и кирпичное масло. Въ мартѣ мѣсяцѣ рекомендуется для сохраненія здоровья руду пускать, т. е пускать кровь. Но и за границей знаніе медицины до временъ Петра Великаго было немного выше, чѣмъ у насъ.

Г. Сперанскій въ своей книгѣ описалъ не болѣе

двухъ сотъ рукописей Тверского Музея. Имъ приготовлено и печатается теперь продолженіе описанія

Въ одной комнатѣ нижняго этажа Музея помѣщается коллекція Тверского Общества Любителей Исторіи, Археологіи и Естествознанія: тутъ находятся чучела животныхъ, птицъ, рыбы и насѣкомые.

III.

Церковь Бѣлая Троица.

Подъ такимъ названіемъ съ давнихъ временъ извѣстна въ народѣ одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Твери. Тогда какъ другія церкви здѣсь XVII и XVIII в., одна она XVI в. «Бѣлой Троицей» названа она, или потому, что всегда окрашивалась въ бѣлый цвѣтъ, или потому, что была покрыта черепицею бѣловатаго цвѣта, образцы которой сохранились до сихъ поръ, по свидѣтельству настоятеля церкви свящ. В. И. Некрасова, составившаго въ 1900 г. ея описаніе. Изъ сохранившейся на вложенныхъ двухъ бѣлыхъ камняхъ въ западную ея стѣну надписи видно, что она построена при Іоаннѣ Грозномъ и Тверскомъ епископѣ Акакіи, въ 1564 г. «замышленіемъ раба Божія Гавріила Андрѣева сына Тушинскаго». Въ писцовой книгѣ 1685 г. строитель названъ Тушкинскимъ, и это будетъ вѣрнѣе. Въ этой же книгѣ названъ и другой строитель ея Ляминъ. Его имя находится въ другой надписи въ церкви, въ придѣлѣ во имя Введенія, находящемся въ связи съ главнымъ алтаремъ Троицкой церкви, но въ этой надписи встрѣчается, кажется, ошибка: время основанія храма отнесено уже къ 1563 г. Обѣ церкви, изъ которыхъ одна могла бы

назваться и придѣломъ другой, отдѣляющіяся другъ отъ друга лишь средостѣніемъ, ясно, однако, построены единовременно. По «Тверскимъ актамъ», найденнымъ г. Шумаковымъ, слѣдутъ, что и третій придѣлъ «Бѣлой Троицы»—Никольскій—построенъ тоже Ляминымъ, и тоже въ 1563 г. Такимъ образомъ, дѣло выходитъ темное, и свящ. В. И. Некрасовъ, разбираясь въ немъ, говоритъ даже, что въ чтеніи г. Шумаковымъ въ актахъ даннаго мѣста нѣтъ грамматическаго смысла. Для насъ важно пока одно, что дѣйствительно «Бѣлая Троица» древнѣйшая въ Твери церковь. Затѣмъ въ церкви имѣются предметы глубокой древности: деревянный семиконечный крестъ, желѣзное паникадило о 8 свѣчахъ, сдѣланное на подобіе глобуса съ различными украшеніями, икона св. Троицы, писанная, будто бы, Рублевымъ († 1430 г.), если вѣрить надписи на ней, и несомнѣнно XVI в.,—досчатыя царскія двери, покрытыя красками и мозаически уложенныя слюдой, разукрашенныя пестрымъ орнаментомъ; икона святителя Николая съ дѣяніями, 1561 г., и др. Эти памятники дѣйствительно составляютъ серьезный интересъ для археолога.

«Бѣлая Троица» сохранилась почти невредимою съ половины XVI в. въ теченіе болѣе трехсотъ лѣтъ, не смотря на пожары и литовское разореніе, отъ котораго такъ много пострадала Тверь, бывшая болѣе двухъ лѣтъ въ рукахъ поляковъ. Но чего не сдѣлали враги, то сдѣлали свои: въ 1787 г. были передѣланы въ церкви старинныя слѣпыя окна,—прежнія остались лишь съ трехъ сторонъ ея по одному подъ карнизомъ;—въ томъ же году къ западной стѣнѣ, съ южной стороны,

пристроенъ на средства прихожанъ еще придѣлъ во имя преп. Ефрема, новоторжскаго чудотворца; въ 1811 году на семи главахъ Бѣлой Троицы черепицу замѣнили бѣлымъ желѣзомъ; въ 1867 г. пристроенъ еще новый придѣлъ Св. Арсенія и Татьяны мученицы, а въ 1868 г. докончили постройку новой колокольни, по стилю совершенно не подходящей къ стилю «Бѣлой Троицы». Измѣнивши, такимъ образомъ, совершенно внѣшній видъ древняго храма, рѣшились коснуться и его внутренняго: въ 1895 г. бывшія входныя западныя двери были расширены и передѣланы въ арку. Такъ что мы будемъ совершенно несогласны съ заключеніемъ свящ. В. И. Некрасова, будто «всѣ позднѣйшія пристройки и перестройки не коснулись существенно храма и онъ сохранился почти совершенно неприкосновеннымъ до нашего времени»

Мы не будемъ описывать «Бѣлую Троицу»; увидѣвши ее, всѣ согласятся, что никакое описаніе не можетъ равняться съ тѣмъ, что они увидятъ здѣсь Массивные столпы, стѣсняющіе внутренность церкви, въ которой можетъ помѣститься лишь нѣсколько десятковъ молящихся, такія же арки и коробовые своды, голосники и тайники надъ ними, которые имѣютъ около крыши еще другіе своды, скрытые отъ глазъ наблюдателя, небольшія входныя двери безъ всякихъ украшеній, въ видѣ колонокъ или портиковъ напр.; если прибавить къ тому, что въ старину въ церкви было почти темно изъ за узкихъ оконъ, что на стѣнахъ ея не было никакой живописи, что она освѣщалась болѣе лампадами и свѣчами предъ иконами, вѣрою и молитвеннымъ настроеніемъ отошедшихъ въ

вѣчность поколѣній, то впечатлѣніе въ нашей душѣ получается здѣсь въ высшей степени цѣнное и внушительное, какъ нигдѣ болѣе въ Тверскихъ церквахъ. Старина видна здѣсь и въ томъ, что при кладкѣ массивныхъ стѣнъ церкви, какъ обнаружилось послѣ при построеніи арки, во внутренность ихъ клали еще не кирпичъ, какъ кладутъ нынѣ, а щебень, неправильной формы камень и даже просто строительный мусоръ; что въ средней части алтаря холодной церкви,—а въ старину всѣ церкви строились холодныя, а не теплыя, престолъ сложенъ изъ камня и кирпича, и что вмѣсто желѣзныхъ связей положены деревянные брусья, которые, не смотря на 337 лѣтъ, сохранились и доселѣ невредимыми. И чего желалъ самъ строитель церкви Гавріилъ Андреевичъ? Въ 1572 г. онъ отдалъ ее въ вкладъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, присоединивъ къ своему дару и свой дворъ съ хоромами и свою баню («поварьню мыльную»), и свой амбаръ для соли въ гостинномъ дворѣ, (ясно, что онъ торговалъ солью), и еще 200 р. денегъ, и просилъ архимарита (т. е. по нынѣшнему архимандрита) Памву только объ одномъ, чтобы по смерти положили его у Троицы и у великаго чудотворца Сергія и записали въ вѣчной сенаникъ, т. е. чтобы поминали его и молились объ упокоеніи его души. Желаніе, выраженное строителемъ «Бѣлой Троицы», скромное, благочестивое и чисто русское.

Какъ каждый памятникъ старины, такъ и «Бѣлая Троица» окружена преданіями. Говорятъ, что на сводахъ и стѣнахъ въ тайникахъ ея долгое время видна была кровь побитыхъ, скрывшихся въ тайникахъ, людей.

Говорятъ, что изъ церкви велъ подземный ходъ, оканчивавшійся желѣзною дверью. Въ немъ тверитяне прятали свое имущество и укрывались сами, напр. во время литовскаго разоренія.

Старина видна также въ предѣлѣ Введенія въ углубленіяхъ,—одномъ для жертвенника, другомъ для угольевъ и кадила, и въ третьемъ для умыванія рукъ священнослужителей. Послѣднее съ продѣланнымъ отверстіемъ, спускающимся въ подполье храма. Такого приспособленія теперь болѣе уже нигдѣ не встрѣтишь.

Изъ старинныхъ иконъ первое мѣсто у «Бѣлой Троицы» принадлежитъ иконѣ Святой Троицы, съ надписью, что письмо ея мастера Рублева. Одни говорятъ, что надпись не можетъ быть принята за подлинную: она позднѣйшаго происхожденія, XVII в., а по письму икона XVI в., а не Рублева, потому что Рублевъ умеръ въ 1430 г. Другіе говорятъ, что надпись могла быть сдѣлана не Рублевымъ, а при поновленіи иконы кѣмъ нибудь другимъ, и позднѣе XVII в., но надпись не утверждаетъ, что икона написана для Троицкаго храма, или прямо въ 1564 г. Икона могла быть написана и ранѣе 1430 г. и принесена въ даръ храму при его основаніи самимъ строителемъ Гавріиломъ Андреевичемъ Тушкинскимъ, какъ видно богатымъ человѣкомъ, торговавшимъ солью. Если онъ могъ дать на поминъ своей души 200 р., то на наши деньги это очень большая сумма: рубль въ его время равнялся 11 англійскимъ шиллингамъ. Икона очень ветхая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ краска на ней потрескалась и грозитъ обсыпаться. Ее поновляли; гдѣ были трещины на краскѣ, тамъ ихъ замазывали подъ цвѣтъ, фонъ

на ней сдѣланъ новый; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было сгнившее дерево и краска едва держалась, дска иконы съ задней стороны была выскоблена вплоть до верхняго слоя краски, и эти мѣста были залиты воскомъ.

Содержаніе иконы слѣдующее: св. Троица изображена въ видѣ явленія Аврааму трехъ ангеловъ, ангелы сидятъ на скамьяхъ за большимъ столомъ, накрытымъ узорчатою скатертью. Передъ каждымъ изъ нихъ стоитъ деревянная чашка на высокомъ поддоникѣ съ накрошенною пищею, лежатъ ножъ и деревянныя ложки и вилки съ двумя зубцами. Ангелы берутъ, однако, пищу руками. Сзади ангеловъ Авраамъ и Сарра, которые подаютъ кушанье. Внизу иконы изображеніе отрока, закалывающаго тельца.

Вилки на иконѣ, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуютъ о позднѣйшемъ ея происхожденіи, если не считать ихъ припиской подновителей иконы. Въ XV в. вилокъ у насъ не было. И на западѣ онѣ вошли въ употребленіе только въ XVI в. Но за древность иконы говоритъ надпись на ней, и едва ли надпись XVII в.

Такимъ образомъ вопросъ о принадлежности этой иконы Рублеву остается открытымъ.

Другая икона св. Троицы въ этомъ храмѣ XVI в. Она составляетъ вкладъ «многогрѣшнаго Нечая», сдѣланный въ 1561 г. Имъ же пожертвована икона святителя Николая Чудотворца, написанная тоже въ 1561 году. Доказательства этой даты подробно изложены въ брошюрѣ свящ. В. И. Некрасова, о которой мы сказали выше.

Желѣзное кованое паникадило съ 8-ю свѣчами висѣло до 1692 г. въ главной церкви. По всей вѣроят-

ности, оно остатокъ той утвари, которою снабдилъ Троицкую церковь самъ ея основатель, Гавріилъ Андреевичъ Тушкинскій. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о кронштейнѣ (узорчатомъ крюкѣ) для лампады надъ иконой Введенія во храмъ; онъ XVI в. Царскія двери и сѣверныя въ Введенскомъ придѣлѣ, по предположенію свящ. В. И. Некрасова, XVII или XVI в. Весьма вѣроятно, что онѣ сооружены были тоже первыми строителями Троицкаго храма.

Такого собранія памятниковъ древности, въ большинствѣ принадлежащихъ XVI в., такого количества ихъ нѣтъ ни въ одной другой тверской церкви, не исключая и собора. Понятно, что «Бѣлая Троица» всегда привлекала къ себѣ вниманіе любителей древности. Въ 1858 г. «Бѣлую Троицу» изволили осматривать Государь Императоръ Александръ II съ Государыней Императрицей Маріей Александровной. Въ память ихъ посѣщенія въ церкви поставлена особая доска, увѣнчанная государственнымъ гербомъ.

IV.

Тверской каѳедральный соборъ и монастыри: Отрочь мужской, Христорождественскій женскій, Желтиковъ мужской Успенскій и Николо-Малицкій мужской.

Въ настоящемъ, но не въ первоначальномъ, своемъ видѣ, нашъ соборный храмъ стоитъ болѣе 200 лѣтъ. Сперва на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ соборъ, еще во времена самаго начала независимаго Тверского княжества, была деревянная церковь во имя св. Козьмы и Даміана. Потомъ она сгорѣла, и, при первомъ Тверскомъ епископѣ Симеонѣ, съ благословенія митрополита Максима, при великомъ князѣ Михаилѣ Ярославичѣ, въ 1286 г., заложенъ былъ здѣсь первый каменный соборный храмъ, который простоялъ потомъ 350 лѣтъ (и которому было бы теперь 617 лѣтъ). Святитель Симеонъ, основатель его, когда стѣны новаго храма были еще безъ крыши, устроилъ внутри его временную деревянную церковь св. Спаса, въ 1287 г., освятилъ ее и служилъ въ ней въ ожиданіи окончанія каменнаго собора, но не дожилъ до окончанія и освященія послѣдняго, и только преемникъ его, епископъ Андрей (въ 1290 г.) освятилъ его. При епископѣ Андреѣ, вмѣсто деревянной, сложена была и каменная колокольня. Въ этомъ первомъ по времени соборѣ, на правой сторонѣ его, соединились на вѣчномъ покоѣ, оба его осно-

вателя, великій князь Михаилъ Ярославичъ и «посторонь его преподобный епископъ Симеонъ.»

Со времени погребенія мученика—князя, 6 сентября 1320 г., до признанія его святымъ на Московскомъ соборѣ 1549 г., прошло 229 лѣтъ. До того времени останки благовѣрнаго князя находились въ землѣ, но жители Твери сохранили благодарную память о св. князѣ, положившемъ за нихъ свою душу, и чтили его какъ св. мученика, пострадавшаго отъ татаръ за отечество, прибѣгали въ молитвахъ своихъ къ его заступничеству и многія чудеса и тогда творились вѣрующимъ. Съ царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича соединяются два воспоминанія: о построеніи на мѣстѣ прежняго новаго (втораго) собора, вмѣсто обветшавшаго перваго и другое—открытое прославленіе останковъ благовѣрнаго князя Михаила. Второй соборный храмъ былъ построенъ и освященъ при Тверскомъ епископѣ Евфиміи II, въ 1635 г., и тогда же и мощи благовѣрнаго князя Михаила вынуты были изъ земли и поставлены впредь до устроенія раки, въ прежнемъ ветхомъ деревянномъ гробѣ, вложенномъ въ каменный, на лѣвой сторонѣ собора у стѣны, въ придѣлѣ въ честь его имени. Тѣмъ же самымъ святителемъ Евѳиміемъ составлена была и служба благовѣрному князю Михаилу. Устроеніе же первой раки и первое переложеніе св. мощей благовѣрнаго князя совершилось позднѣе, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при архіепископѣ Лаврентіи, въ 1655 г. А серебряный окладъ на раку сдѣланъ былъ еще позднѣе,—въ 1748 г.—преосвященнымъ Митрофаномъ, основателемъ Тверской Духовной Семи-

наріи и строителемъ соборной колокольни въ настоящемъ ея видѣ.

Второй соборный храмъ въ Твери, освященный въ 1635 г., простоялъ не такъ, какъ первый, очень недолго (до 1689 г.) — всего 54 года. Поспѣшность ли постройки его, или пожаръ, бывшій въ 1661 г., причинившій вредъ и самому собору, окруженному сгорѣвшими деревянными строеніями, но только потребовалось создать новый храмъ. Онъ и былъ созданъ между 1689 и 1696 г.г. архіепископомъ Сергіемъ, въ началѣ царствованія Петра Великаго.

О второмъ соборномъ храмѣ мы почти ничего не знаемъ, за то первый подробно описанъ въ Писцовой книгѣ Нарбекова 1625—1626 г. В. князь Михаилъ Александровичъ много украсилъ его. Епископъ Ѳеодоръ II (1342—1360) сдѣлалъ въ соборѣ мѣдныя двери, которыя, кажется, сохраняются еще донынѣ въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ въ г. Александровѣ, куда были перевезены по приказанію Іоанна Грознаго, и на соборѣ поставленъ вызолоченный крестъ. Въ Писцовой книгѣ Нарбекова говорится о пожертвованіяхъ въ соборъ архіепископа Пафнутія. На его келейныя деньги было исправлено паникадило въ соборѣ, украшены серебромъ напрестольное евангеліе и серебряными вѣнцами нѣкоторыя иконы съ прибавкою камней, а также увеличена ризница. Архіепископъ Пафнутій увеличилъ также и соборную библіотеку.

Мѣстными иконами въ этомъ (первомъ) храмѣ были: Рождество Пресвятыя Богородицы, св. Николая Чудотворца и Пречистой Богородицы Одигитріи. Царскія двери были, какъ въ Успенскомъ Московскомъ соборѣ,

съ сѣнью. Теперь такой сѣни нѣтъ. Среди собора висѣло мѣдное «нѣмецкое» паникадило въ 30 свѣчъ съ «блюдцами.»

Въ первомъ тяблѣ (ярусѣ) иконостаса собора, вверху, написаны были Деисусъ (т. е. изображеніе Спасителя съ предстоящими—Божіею Матерью и Іоанномъ Крестителемъ) и 11 другихъ иконъ, во второмъ—12 праздниковъ, въ третьемъ—10 иконъ пророковъ. Первый и второй ярусы иконъ снизу были обложены серебромъ. Въ числѣ книгъ, принадлежавшихъ собору, поименованы въ Писцовой книгѣ, между прочими: 33 книги мѣсячныхъ миней, Маргаритъ, Іоаннъ Лѣствичникъ и другія богослужебныя книги. Въ описаніи ризницы обращаютъ на себя вниманіе вещи, принадлежавшія епископу Арсенію, во святыхъ почивающему въ Желтиковѣ монастырѣ, и архіепископу Пафнутію. Отъ послѣдняго сохранились въ соборѣ двѣ серебряныхъ золоченыхъ чарки, оловянные лохань и рукомойникъ. Въ числѣ другихъ предметовъ упоминаются еще три ставленническихъ свитка, писанные на опойкѣ (т. е. пергаментѣ).

Особенно интересно въ Писцовой книгѣ Нарбекова подробное описаніе тканей, изъ которыхъ были сдѣланы ризы, пелены, судари (тоже самое: пелены), палицы, поясы, ширинки и т. п. вещи. Напр. на одномъ сударѣ по полямъ были вышиты золотомъ груби цвѣтные, т. е. грифы, чудовищныя птицы; на одномъ покровѣ на потиръ употребленъ былъ бархатъ цвѣтной, а въ серединѣ камка таусинная (т. е. вишневаго цвѣта). и т. п.

Изстари, съ самого основанія Твери, нѣсколько разъ перестроиваясь, по случаю ветхости или пожаровъ, нашъ соборъ, во имя Боголѣпнаго Преображенія, по выраженію Нарбекова, стоялъ, какъ стоитъ и нынѣ въ послѣднемъ своемъ видѣ, съ 1696 г., на одномъ и томъ же мѣстѣ, что засвидѣтельствовано и письменными данными, и преданіемъ. Это «святое» мѣсто для Твери и всего Тверского края опредѣляется по Писцовымъ книгамъ: рядомъ съ владычнимъ дворомъ (нынѣшнимъ Императорскимъ Дворцомъ, гдѣ нынѣ Музей и губернаторская квартира), съ бывшимъ Аѳанасьевскимъ монастыремъ, съ бывшими домами соборнаго духовенства; —вблизи приказной избы, княжескихъ палатъ, въ бывшемъ Тверскомъ кремлѣ, разрушенномъ окончательно, послѣ большаго пожара въ 1763 г., только при Екатеринѣ Великой. Но, по свидѣтельству Пальмквиста, бывшаго въ 1673 г. въ составѣ посольства, отправленнаго въ Россію шведскимъ королемъ Карломъ XI, во главѣ съ графомъ Оксенштерномъ, Тверской соборъ стоялъ не на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, а ближе къ бывшимъ въ крѣпости Тьмацкимъ воротамъ, какъ бы сзади лѣваго флигеля нынѣшняго гимназическаго зданія. Насколько вѣрно это свидѣтельство, археологи могутъ познакомиться съ разборомъ его въ недавно напечатанномъ (1902 г.) трудѣ члена Тверской Ученой Архивной Комиссіи М. В. Рубцова. Мы лично, однако, того мнѣнія, что при каждой перестройкѣ нашъ соборъ ставился на мѣстѣ прежняго, и что преданію о томъ нельзя не вѣрить, потому что тверитяне придавали важное значеніе своему первопрестольному храму, какъ усы-

пальницѣ ихъ князей и святителей, и особенно чтили святое мѣсто, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи Благовѣрнаго ихъ князя Михаила, потому, запомнили бы и о перемѣнѣ въ мѣстоположеніи храма, еслибы оно случилось. Въ Нижнемъ-Новгородѣ напр. соборъ при перестройкахъ перемѣщался съ одного мѣста на другое, и объ этомъ говорятъ и письменные памятники, и преданіе. Почему же нѣтъ такихъ указаній для Твери? Намъ кажется, именно потому, что Пальмквистъ въ своемъ показаніи ошибается. И вѣрнѣе то, что говоритъ не онъ, а — самъ народъ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Тверской каѳедральный соборъ существуетъ, какъ мы сказали, болѣе 200 лѣтъ. Время построенія его, при Тверскомъ архіепископѣ Сергіи (1682—1703), относится къ 1689—1696 г.г. Планъ для собора строитель его, архіепископъ Сергій, взялъ съ большого Московскаго Успенскаго собора. Архіепископъ Сергій выстроилъ его изъ бѣлаго старицкаго камня на свое собственное иждивеніе. Общій планъ храма, или такъ называемый *окладъ* его, — прямоугольникъ, какъ употребительнѣйшая въ церквахъ форма, узаконенная постановленіями и св. апостоловъ. Алтарь храма, какъ и въ Успенскомъ соборѣ, имѣетъ пять отдѣловъ или выступовъ и въ вышину ниже самого храма. Въ среднемъ отдѣлѣ алтаря главный престолъ во имя Преображенія Господня; по правую сто-

рону придѣлъ во имя Введенія Пресвятыя Дѣвы въ память бывшей церкви близъ собора съ этимъ же названіемъ; по лѣвую сторону былъ придѣлъ во имя благовѣрнаго великаго князя Михаила, впослѣдствіи уничтоженный и обращенный нынѣ въ ризницу. Паперть не была въ началѣ устроена, а нынѣшняя новѣйшей постройки (1848 г.), какъ и въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ.

Устроивъ новый каѳедральный соборъ въ Твери, (третій), святитель Сергій освятилъ его 18 мая 1696 г. Сохранились до сихъ поръ въ соборѣ: печатный антиминсъ 1687 г., напрестольный крестъ 1695 г. и водосвятныя чаши, устроенныя архіепископомъ Сергіемъ. Самъ строитель скончался на покоѣ въ Отрочѣ монастырѣ, но похороненъ не здѣсь, а въ построенномъ имъ соборѣ, у алтарной стѣны, противъ царскаго мѣста, въ 1703 г. Въ память совершившагося двухсотлѣтія настоящаго собора, 18 мая 1896 г., Тверская Ученая Архивная Комиссія положила на мѣстѣ погребенія архіепископа Сергія бронзовую вызолоченную доску съ приличествующей надписью.

Всего болѣе во внутреннемъ убранствѣ нынѣшняго собора было произведено перемѣнъ при архіепископахъ Григоріи и Гавріилѣ, въ половинѣ прошлаго вѣка. Въ это время сдѣланъ вновь нижній ярусъ иконостаса (иконы не тронуты), столбы въ соборѣ обставлены вызолоченными иконостасами; написаны художникомъ Орловымъ, по заказу тверскаго купца А. И. Сутугина, картины, изображающія убіеніе благовѣрнаго великаго

князя Михаила, и другимъ художникомъ Мягковым двѣ фрески: апостолъ Павелъ, проповѣдующій въ Аѳинахъ, въ Ареопагѣ, и Спаситель во время Нагорной проповѣди; третій художникъ Я. Колокольниковъ написалъ копіи двухъ картинъ Спасителя и Божіей Матери. Послѣдняя—копія съ Мурильо.

Историческія событія, соединяющіяся съ воспоминаніями всей исторіи Тверскаго княжества, совершившіяся на этомъ святомъ мѣстѣ, усыпальницѣ тверскихъ князей,—Щелкановщина, судъ надъ епископомъ Евфиміемъ, посвященіе епископовъ, присяга Москвѣ (1485 г.) и т. п.,—придаютъ ему особенную цѣнность въ глазахъ не однихъ археологовъ Десятки тысячъ народа, стекающагося сюда ко дню памяти благовѣрнаго вел. князя Михаила, къ обнесенію его нетлѣнныхъ мощей къ 24-му іюня, служатъ доказательствомъ того, что память святого мѣста жива и чтима. Такъ какъ эта сторона исторіи нашего собора болѣе извѣстна, то въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о немъ мы ограничимся теперь исключительно его археологіей.

Величайшая святыня собора, прославленная чудесами, окруженная вѣрою, что святой нашъ мученикъ, пострадавшій отъ татаръ за отечество, никогда не оставляетъ своимъ покровительствомъ Тверь,—мощи св. благовѣрнаго князя Михаила Ярославича, покоящіяся въ новой ракѣ, сооруженной въ 1902 г. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, носящій имя тверского святого князя и родившійся въ день памяти его, изволилъ пожертвовать на сооруженіе новой раки

крупную денежную сумму, взялъ это дѣло подъ свое покровительство и поручилъ князю М. С. Путятину составить рисунокъ раки по образцу византійскихъ или древне-русскихъ гробницъ, какъ напр. гробницы Ярослава Мудраго въ Кіевѣ. Все это теперь исполнено. Переложеніе св. мощей благовѣрнаго князя Михаила Ярославича изъ старой раки, сооруженной въ 1748 г. при архіепископѣ Митрофанѣ Слотвинскомъ, въ новую, достойную славы небеснаго заступника Тверской области, совершилось, при нынѣшнемъ архіепископѣ Димитріи, въ ночь на 23 іюня 1902 г.

Затѣмъ, второе мѣсто по древности принадлежитъ въ Тверскомъ соборѣ иконѣ, хранящейся въ алтарѣ, изображающей св. благовѣрнаго князя Михаила и его мать, княгиню Ксенію. По преданію, благовѣрный князь изображенъ съ матерью, а не съ супругою Анною, потому что икона написана еще при жизни княгини Анны, т. е. въ XIV в. На иконѣ написаны древній кремль города Твери и соборъ Св. Спаса, крыша котораго съ кружалами. Такова была въ началѣ крыша и на настоящемъ соборѣ, передѣланная лишь позднѣе въ четырехъскатную.

Высокій старинный иконостасъ въ соборѣ, даръ строителя архіепископа Сергія,—за исключеніемъ нижняго яруса и царскихъ вратъ новой отдѣлки,—XVII в., и сохранился лучше, чѣмъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, по образцу котораго сооруженъ. Въ нашемъ иконостасѣ только праздники и евангельскія событія поставлены ниже апостоловъ, а иконы апостоловъ выше, чѣмъ въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ 1812 г., снятыя съ своего мѣста, иконы въ Успенскомъ соборѣ,

нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, были потомъ поставлены въ иконостасъ не на прежнемъ мѣстѣ и неискусно поновлены. Можно было бы придержаться копіи съ иконостаса въ Твери при реставраціи Успенскаго собора, въ порядкѣ постановки иконъ, а этого не сдѣлали.

Старые царскіе врата, которые не были, однако, въ первыхъ двухъ тверскихъ соборахъ, находятся теперь въ придѣлѣ Введенія во храмъ. Вверху они полукруглые, лики евангелистовъ на нихъ поясные, а не во весь ростъ, на царскихъ вратахъ шесть вѣнцовъ большихъ и четыре малыхъ,—словомъ, они точная копія съ вратъ Успенскаго собора. Надъ ними была прежде, какъ въ Успенскомъ соборѣ, сѣнь,—по свидѣтельству Писцовой книги Нарбекова. Если-же они сооружены ранѣе 1689 г., не при архіепископѣ Сергіи, то, по всей вѣроятности,—послѣ большого пожара въ 1537 г., когда въ соборѣ сгорѣли и «чудныя иконы отъ древнихъ лѣтъ, украшенныя серебромъ и золотомъ и каменіемъ драгимъ, и священные многоцѣнные сосуды и святыя книги» (Софійскій Временникъ, стр. 399).

Въ соборѣ хранится 20 евангелій. Самое дорогое, стоящее 924 р. (Арсеніевское), а самое древнее—XV в. (1417 г.), писанное на 381 л., въ кожаномъ переплетѣ. Есть евангелія 1677 г., 1668, 1667, 1717, 1703, 1748, и позднѣйшихъ годовъ. Одно тверское евангеліе находится въ Казани. Оно написано въ 1478 г. при тверскомъ князѣ Михаилѣ Борисовичѣ и тверскомъ владыкѣ Вассіанѣ, и было взято въ Казанскій Благовѣщенскій соборъ св. Варсонофіемъ, при отъѣздѣ его изъ Твери на епископскую каѳедру въ Казань. О немъ въ

1894 г. сдѣланъ докладъ въ 48 засѣданіи Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Антиминсы, хранящіеся въ соборной ризницѣ, принадлежатъ по времени 1515, 1541, 1558, 1561, 1606, 1621, 1623, 1639, 1654, 1655, 1656, 1659, 1662, 1667 г.г. и позднѣйшимъ годамъ. Всѣ поименованные антиминсы не печатные, а письменные.

Священныхъ сосудовъ въ соборѣ 49. Самый дорогой потиръ 1781 г. Арсеніевскій, самый древній — преосвященнаго Іоасафа XVII в. (7182—1674).

Главное вниманіе г.г. археологовъ, при изученіи собора, я позволяю себѣ обратить на мѣстныя иконы. Почти всѣ иконы XVII в., но нѣкоторыя XVI в. Тверской соборъ, въ настоящемъ своемъ видѣ построенъ архіепископомъ Сергіемъ въ XVII в., слѣдовательно только тѣ иконы могутъ быть болѣе древнія, XVI в. напр., которыя перенесены изъ стараго собора. Такими записаны въ Писцовой книгѣ Нарбекова (1625 и 1626) только три: Рождество Пресвятыя Богородицы, св. Николая Чудотворца и Пречистой Богородицы Одигитріи. Онѣ сохраняются въ соборѣ и донынѣ. Но такихъ иконъ болѣе. Въ старомъ соборѣ мѣстныя иконы, по размѣру, были меньше настоящихъ, и вновь написанныя въ XVII в. для настоящаго собора имѣютъ наверху овалъ. Вотъ внѣшній признакъ узнать въ соборѣ иконы болѣе древнія. Икона Тихвинской Божіей Матери, по лѣвую сторону отъ царскихъ вратъ, имѣетъ напр. наверху прямую линію, а овалъ придѣланъ надъ ней позднѣе, когда дѣлали золотую ризу (въ концѣ

XVIII в.), что легко отличить простымъ глазомъ; почему бы не отнести ее къ XVI в.? Самое появленіе иконы Тихвинской въ Россіи относится къ XV в. (за нѣсколько лѣтъ до взятія Константинополя турками), не ранѣе. Если Нарбековъ говоритъ, что въ старомъ соборѣ на этомъ мѣстѣ была икона Божіей Матери Одигитріи, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ другомъ мѣстѣ его не могла стоять и Тихвинская икона? Кромѣ того, Писцовыя книги преслѣдовали одну только фискальную цѣль, и археологическія замѣтки въ нихъ были всегда случайными.

Въ археологическомъ отношеніи Тверской каѳедральный соборъ, не смотря на то, что сохраняетъ нѣкоторые слѣды XVI в. напр., еще не изученъ. Потому желательно, что-бы пріѣхавшіе на съѣздъ въ Тверь археологи положили начало изученія его. Какъ на примѣръ того, какого рода вопросы стоятъ въ связи съ этимъ началомъ, я обращаю вниманіе г г. археологовъ на мѣстныя иконы: Воскресенія и Успенія, находящіяся въ соборѣ.

Первая изъ нихъ – противъ новой раки св. благовѣрнаго тверскаго князя Михаила. Въ цѣнной вызолоченной ризѣ (одного серебра пошло на ризу 32 фунта, риза стоитъ болѣе 700 р.), икона Воскресенія изображаетъ въ верхней половинѣ возставшаго изъ гроба Спасителя и женъ мироносицъ, а въ нижней — сошествіе Его во адъ. Такимъ образомъ Спаситель на ней изображенъ дважды. Нисходя во адъ, сокрушивъ его врата, Спаситель держитъ въ одной рукѣ крестъ, а

другую подаетъ праотцамъ, освобождая ихъ изъ ада. Такого же точно содержанія икона Воскресенія и въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, написанная Рублевымъ въ XV в. (Рублевъ † 1430 г.). Иконописецъ тверской, изображая Воскресеніе, могъ быть и подъ вліяніемъ Рублева?—Почему? —Потому что еще на Стоглавомъ соборѣ запрещено было писать иконы «по своимъ замышленіямъ», а велѣно слѣдовать византійцамъ да Рублеву. Что же въ нашей иконѣ византійскаго, и что Рублевскаго? По нашимъ догадкамъ, и самъ Рублевъ принялъ при написаніи иконы Воскресенія за византійское и каноническое то, что нашелъ въ апокрифахъ, которые распространялись въ его время изъ Новгорода. Въ его время, говоритъ Буслаевъ, Москва въ отношеніи образованія стояла несравненно ниже Новгорода. Даже въ XVI и XVII в.в. апокрифы и другія книги шли въ Москву изъ Новгорода, гдѣ продавались и дешевле, чѣмъ въ какомъ другомъ мѣстѣ тогдашней Руси. Новгородское вліяніе на Тверь было еще сильнѣе, чѣмъ въ Москвѣ: Тверь позаимствовала отъ Новгорода свое (о̀кающее, а не а́кающее) нарѣчіе, свои деревянныя постройки, свою лѣтопись, свои апокрифы: Посланіе новгородскаго архіепископа Василія къ тверскому епископу Ѳеодору о земномъ раѣ, несомнѣнно, апокрифическаго содержанія. И для московской, и для тверской иконы Воскресенія могъ быть выбранъ одинъ и тотъ же источникъ—мнимый византійскій, въ дѣйствительности же апокрифъ. Послѣдній сложился очень рано и слѣды его замѣтны не только у насъ, но и на Западѣ: въ миніятюрѣ Евангелія ватиканской библіотеки, въ Миланскомъ диптихѣ, въ ампулѣ (фляжка для елея) въ

Монцѣ, въ Аѳонопанкратовской псалтыри, въ Сирійскомъ Евангеліи 586 г., и т. п. Нынѣшнія изображенія иконы Воскресенія—Христосъ парящій надъ гробомъ — у насъ вошли въ обиходъ только со временемъ Петра Великаго, а на Западѣ—со времень Джіото († 1336 г.), Леонардо-да-Винчи († 1519), Перуджино († 1524 г.), и др. Они составляютъ лишь остатокъ прежней сложной иконы Вокресенія, верхнюю ея половину.

Доказательствомъ тому, что для тверской иконы Воскресенія служилъ апокрифъ, можетъ быть рукопись Тверскаго Музея: «Слово въ великую пятницу Евсевія Александрійскаго,» которое, вмѣстѣ съ «Словомъ въ великую Субботу Епифанія Кипрскаго», есть ни что иное, какъ вторичная формація разсказа о сошествіи Христа во адъ, заимствованная изъ апокрифическаго Никодимова евангелія. Это можно прочитать у М. Н. Сперанскаго, въ его трудѣ: Славянскія апокрифическія евангелія, М. 1895. Что разсказано у мнимыхъ каноническихъ писателей Евсевія и Епифанія, то изображено и на тверской иконѣ Воскресенія. Господь, говорится у нихъ, снисшелъ во адъ съ побѣднымъ оружіемъ въ рукахъ, съ крестомъ. На нашей иконѣ на ризѣ крестъ обвитъ серебряной тесьмою съ надписью: «Иже въ шестый день же и часъ»... Христосъ беретъ за правую руку Адама и воскрешаетъ его. Все это изображено и на нашей иконѣ.

Наша икона Воскресенія—видимый слѣдъ новгородскаго вліянія на Тверь,—могла быть написана и вскорѣ послѣ пожара 1537 г., испепелившаго другія старыя иконы въ соборѣ, могла быть написана и въ 1696 г., при построеніи нынѣшняго собора архіепископомъ Сергіемъ; —

въ послѣднемъ случаѣ—въ Москвѣ, гдѣ подъ руководствомъ Ушакова, работала цѣлая школа иконописцевъ, нѣсколько десятковъ,—но новгородское вліяніе, указанное выше въ апокрифическихъ деталяхъ, заставляетъ предположить, что икона была написана скорѣе въ то далекое время, когда это вліяніе въ Твери было сильнѣе и еще не уступило первенства послѣдующему, московскому. Можетъ быть, и г.г. археологи согласятся съ тѣмъ, что по времени эта икона принадлежитъ болѣе XVI, чѣмъ XVII в.?

Двѣ иконы Успенія Богородицы въ Тверскомъ соборѣ—одна въ нижнемъ ярусѣ иконостаса, другая у столпа напротивъ иконостаса, и съ сѣверной стороны,—принадлежатъ, по своему содержанію, къ числу иконъ называемыхъ *облачными*, принесенныхъ изъ Константинополя въ Кіевъ. Въ нижней половинѣ на такихъ иконахъ изображается пречистое тѣло Пресвятыя Дѣвы, по отшествіи пресвятыя души Ея, почивающее на одрѣ. Соборъ апостоловъ подъемлетъ и несетъ его къ мѣсту погребенія. Св. Петръ на московской иконѣ въ Успенскомъ соборѣ, какъ и на нашихъ,—одна изъ нашихъ иконъ, говорятъ, копія съ московской,—воздаетъ ему честь кажденіемъ ѳиміама. На второй половинѣ изображенія, надъ смертнымъ одромъ и надъ бездыханнымъ тѣломъ Пресвятыя Дѣвы, представленъ самъ Христосъ Спаситель, держащій на рукахъ душу Ея,—на одной нашей иконѣ, въ младенческомъ образѣ, въ омофорѣ,—на другой—держащимъ Ее за руку и тоже въ младенчествѣ. Этотъ младенческій образъ, пояснялъ митропо-

литъ Филаретъ, знаменуетъ начатіе новой на небесахъ жизни. «Писанія не говорятъ,—продолжаетъ митр. Филаретъ,—чтобы сіе тѣлесными очами видѣли всѣ бывшіе свидѣтели Успенія и погребенія Божіей Матери. Посему надлежитъ полагать, что составитель иконы представилъ здѣсь видимымъ принадлежащее къ міру невидимому и просто видимое соединилъ съ духовно созерцательнымъ».

Содержаніе духовно-созерцательное иконы Успенія Богородицы стоитъ также въ связи съ апокрифами, распространявшимися изъ Новгорода,—съ древнѣйшимъ апокрифическимъ сказаніемъ объ Успеніи Богородицы, —съ такъ называемымъ Словомъ Іоанна Богослова, составленнымъ въ концѣ III или въ началѣ IV в. Неизвѣстный составитель Слова назвалъ его именемъ Іоанна Богослова, чтобы придать ему болѣе авторитета. Объ этомъ можно прочитать у Порфирьева, въ его книгѣ «Апокрифы новозавѣтные» (С.-Петербургъ 1890).

Обѣ наши иконы Успенія, несомнѣнно, XVII в. Сличивши одну изъ нихъ съ иконой въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, мы затруднимся, однако, назвать ее копіей съ послѣдней. Но иконописцы той и другой пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ апокрифическаго содержанія. Это вѣрно.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о монастыряхъ въ Твери и вблизи города.

Древнѣйшій изъ нихъ Отрочь-Успенскій, по преданію, основанъ отрокомъ (придворный) Григоріемъ, оста-

вившимъ міръ вслѣдствіе неудачной любви къ своей невѣстѣ Ксеніи, которую, будто бы, долженъ былъ уступить влюбившемуся въ нее князю Ярославу Ярославичу. Указаніе объ основаніи монастыря находится въ лѣтописи подъ 1206 г. Другіе его основаніе относятъ къ 1215 г., а Щекатовъ къ 1265 г. Легенда объ основаніи монастыря позднѣйшаго происхожденія, и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ (о каретѣ) XVIII в. Карамзинъ уже не вѣрилъ ей. Съ 1531 г. до 1553 г. (а по другимъ извѣстіямъ, до 1551 г.) проживалъ здѣсь въ заточеніи знаменитый ученый Максимъ Грекъ, заподозрѣнный въ ереси при переводѣ богослужебныхъ книгъ. Церковь во имя митроп. Петра и Филиппа построена на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, была келья, въ которой былъ убитъ въ 1569 г. св. Филиппъ опричникомъ Скуратовымъ. Мощи святого въ 1584 г. перенесены въ Соловецкій монастырь, а оттуда въ 1652 г. въ Москву. Въ монастырѣ недавно открыта и настоящая келья св. Филиппа. Съ 1759 г. по 1761 г. въ монастырѣ былъ архимандритомъ св. Тихонъ Задонскій. Соборъ во имя Успенія въ настоящемъ своемъ видѣ существуетъ съ 1722 г.

Рождественскій женскій монастырь въ Твери, при р. Тьмакѣ, существовалъ уже въ XV ст., такъ какъ изъ актовъ видно, что еще до 1514 г. въ немъ было 5 послѣдовательныхъ игуменій. Соборный Рождественскій храмъ въ немъ начатъ постройкой въ началѣ XIX ст., при великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, супругѣ герцога Ольденбургскаго. Въ немъ чудотворная икона Тихвинскія Божіей Матери, которая принесена сюда около 1703 г. инокинею Еленою, въ мірѣ Евдокіею Ростопчиною; съ 1802 г. отсюда съ иконою совершает-

ся крестный ходъ 26 іюня въ церковь Вознесенія.

Желтиковъ Успенскій монастырь, въ 5 верстахъ отъ Твери, при р. Тьмакѣ, основанъ въ 1394 г., при тверскомъ вел. князѣ Михаилѣ Александровичѣ, епископомъ тверскимъ св. Арсеніемъ, скончавшимся здѣсь въ 1409 г. 2 марта, въ каковый день чтится и его память. Мощи святителя, обрѣтенныя въ 1483 г., покоятся въ серебряной ракѣ въ Успенскомъ соборѣ, построенномъ въ 1722 г. Въ монастырѣ, въ соборѣ, сохраняются принадлежавшіе св. Арсенію: панагія, омофоръ, крестъ, найденный въ гробѣ его, посохъ и каменный гробъ, сдѣланный самимъ св. Арсеніемъ для своего погребенія. Тутъ же находится древній образъ св. Арсенія, писанный при открытіи мощей, и покровъ, взятый съ мощей при ограбленіи монастыря въ смутное время поляками и литовцами, чудесно возвращенный назадъ. Покровъ помѣщается подъ стекломъ прямо противъ мощей. Подъ руководствомъ св. Арсенія составлена древнѣйшая редакція Патерика Печерскаго; но рукопись находится нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ извѣстна подъ именемъ Берсеневскаго пергаменнаго списка. Въ Желтиковѣ монастырѣ, какъ разсказываютъ, жилъ нѣкоторое время царевичъ Алексѣй Петровичъ, но этому нельзя вѣрить, познакомившимъ ближе съ трудомъ академика Устрялова, который посвятилъ VI т. своей исторіи Петра Великаго спеціально дѣлу царевича.

Николо-Малицкій мужской монастырь, въ 6 верстахъ отъ Твери, основанъ между 1584—1595 г г., но кѣмъ и по какому случаю—неизвѣстно. О немъ упоминается въ писцовыхъ книгахъ конца XVI в., изданныхъ Калачо-

вымъ. Монастырю много благодѣтельствовали стольникъ Гр. Дм. Овцынъ († 1683 г) и графиня Мавра Егоровна Шувалова († около 1760 г.), погребенные въ немъ. Получивши исцѣленіе отъ болѣзни, послѣ обращенія ея съ молитвою предъ чудотворной иконой св. Николая, находящейся въ монастырѣ, когда всѣ усилія медиковъ оказались тщетными, когда ей приходилось уже только умирать въ Твери, по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ,—Шувалова въ благодарномъ чувствѣ къ монастырю построила вновь всѣ монастырскія зданія, отказала ему многіе образа и вещи и завѣщала здѣсь себя похоронить. Между фамильными образами Шуваловой одинъ мозаичный, сдѣланный М. В. Ломоносовымъ, а другой въ богатѣйшей золотой ризѣ XVI в., по изяществу отдѣлки нисколько не уступающій новѣйшимъ работамъ Хлѣбникова и Сазикова. Чудотворная икона святителя Николая обрѣтена, послѣ пожара монастыря въ 1675 г., среди пепла неповрежденной. Ее приносятъ ежегодно съ крестнымъ ходомъ въ Тверь. Описаніе монастыря составлено въ 1859 г. іеромонахомъ Θеофилактомъ Виноградскимъ. Эта книга составляетъ теперь библіографическую рѣдкость.

V.

Императорскій Дворецъ въ Твери.

На мѣстѣ нынѣшняго Императорскаго Дворца до XVIII вѣка былъ владычній дворъ. Онъ начинался противъ сѣверныхъ дверей собора и состоялъ изъ цѣлаго ряда разныхъ строеній, тянувшихся вплоть до Волги по тому мѣсту, гдѣ нынче дворцовый садъ. При домѣ владычномъ были: конюшенный и житный дворы, архіерейскія кельи, столовая палата, казначейскія и братскія кельи, приказъ судный и казенный, хлѣбня и поварня, погребъ-ледникъ, «а надъ погребомъ сушило.» Всѣ названныя строенія были каменныя. Они были сооружены въ XVII в. тверскимъ архіепископомъ Іоасафомъ I, послѣ большого пожара въ 1661 г. На владычнемъ дворѣ, «на сѣнѣхъ», была также на старинныхъ подклѣтяхъ каменная церковь Происхожденія честныхъ древъ Креста Господня. Всѣ постройки свидѣтельствовали о большихъ доходахъ тверского архіепископа,— на сооруженіе такого большого числа зданій необходимо было имѣть немало денегъ. И деньги были: по приписнымъ вѣдомостямъ 1719 г. за тверскимъ архіерейскимъ домомъ числилось 11980 душъ, а за всѣми монастырями тверской епархіи 31.677 душъ. Даже каменные Владимірскіе ворота, при входѣ въ Кремль, около

нынѣшняго Дворянскаго собранія, были сооружены тверскими епископами. Въ 1763 г., при Екатеринѣ Великой, архіепископскій домъ сгорѣлъ, сгорѣла и вся Тверь. Съ этого времени Тверь была перестроена на средства казны, по новому плану, въ томъ видѣ, какъ мы находимъ ее теперь. Послѣ пожара архіерейскій домъ начали тоже перестроивать, но часть его заняли уже царскими палатами. Въ скоромъ времени владычній дворъ былъ обращенъ весь въ царскій дворецъ. Тверскіе епископы стали жить на другомъ мѣстѣ, въ нынѣшнемъ Трехсвятскомъ, вблизи города, гдѣ на средства казны было выстроено для нихъ нынѣшнее помѣщеніе. И теперь, когда весь архіерейскій домъ обращенъ былъ во дворецъ, въ немъ устроили, въ 1788 г., церковь св. великомученицы Екатерины, которая существуетъ и донынѣ. Тогда же разведенъ былъ впервые при дворцѣ садъ. Онъ былъ прежде вдвое болѣе настоящаго. Часть его потомъ отдали городу (нынѣшній губернаторскій садъ).

Въ этомъ дворцѣ, въ 1776 г. графъ Сиверсъ, назначенный намѣстникомъ тверскимъ и новгородскимъ, открывалъ первую губернію — тверскую, по Высочайшему указу объ учрежденіяхъ о губерніяхъ, дарованному 7 ноября 1775 г. Здѣсь положена была первая проба исполненія этого указа, — хотѣли видѣть, какъ пойдутъ на дѣлѣ новыя губернскія учрежденія, которыя вводили потомъ, слѣдуя тверскому примѣру, постепенно, впродолженіе цѣлыхъ 20 лѣтъ, во все послѣдующее царствованіе Екатерины II, распространяя ихъ мало по малу и на всю имперію. Этотъ дворецъ, въ которомъ остановился гр. Сиверсъ, не нынѣшній.

Послѣ, когда герцогъ Ольденбургскій, супругъ великой княгини Екатерины Павловны, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Тверской, Новгородской и Ярославской губерній, дворецъ былъ вновь перестроенъ, расширенъ и еще позже принялъ въ общемъ нынѣшній свой видъ.

Подробности о томъ, какъ открывалась первая въ Россіи губернія, напечатаны въ «Спб. вѣдомостяхъ» 1776 г. Здѣсь описывалось, какъ были открыты новыя губернскія присутственныя мѣста въ Твери: намѣстническое правленіе, казенная палата, палата уголовнаго суда, палата гражданскаго суда, верхній и нижній земскій суды. Здѣсь описывалось далѣе, какія были празднества въ Твери, какія говорились благодарственныя рѣчи со стороны лицъ, получившихъ новыя учрежденія, какіе были маскарады, стихи, фейерверки, пальба изъ пушекъ. Въ Твери впервые были выработаны соотвѣтствующія оффиціальныя формы для такого рода торжествъ. Слѣдуя современному настроенію, открывая Тверскую губернію, Сиверсу надлежало прежде всего постараться произвести особенное, выгодное и эффектное впечатлѣніе на провинціальную публику, сумѣть понравиться ей. Теперь насъ убѣждаютъ, въ то время хотѣли только нравиться. Сиверсъ такъ и сдѣлалъ, и, какъ талантливый человѣкъ,—съ большимъ успѣхомъ.

Общественное вниманіе цѣлой Россіи тогда, въ эти замѣчательные дни открытія губерніи, было обращено на Тверь. И Тверь оказалась на высотѣ своего призванія: обѣды, рѣчи, стихи, маскарады, народныя празднества, съ жаренымъ быкомъ и съ кадками вина, иллюминація, пальба изъ пушекъ,—все было здѣсь испробовано. Было много выпито на обѣдахъ у гр. Сиверса и было много пролито и слезъ умиленія. Плакали, напримѣръ, 18 января 1776 г., когда торжественно читалось Учрежденіе о губерніяхъ. Самое чтеніе продолжалось болѣе четырехъ часовъ. Когда же дошла очередь до 26 главы Учрежденія (о совѣстномъ судѣ),—это замѣчательная подробность,—графъ Сиверсъ самъ взялъ книгу и самъ началъ читать эту главу *съ большимъ чувствомъ*. Выборъ для чтенія былъ весьма удачный. Совѣстный судъ, по мысли Екатерины II, долженъ былъ вѣдать такія дѣла, въ которыхъ источникомъ преступленія была не сознательная воля, а несчастье, стеченіе печальныхъ обстоятельствъ, малолѣтство, безуміе, суевѣріе. Это были самыя чувствительныя страницы изъ новаго закона. На торжесткѣ присутствовали 482 человѣка однихъ тверскихъ дворянъ, а всѣхъ присутствовавшихъ было болѣе 500 человѣкъ.

Нервы избраннаго тверского общества были сильно напряжены и сильно раздражены всѣмъ содержаніемъ прочитаннаго, какъ подготовленные заранѣе знакомствомъ со столичнымъ театромъ и со всѣми эстетическими наслажденіями, перенесенными къ намъ въ это время изъ великолѣпнаго Версаля. Депутаты и въ комиссіи 1767 г. тоже плакали, слушая *Наказъ*. Самъ графъ Сиверсъ былъ очень чувствительный и даже сентиментальный

человѣкъ, какъ разсказываетъ о немъ его историкъ г. Иловайскій (гр. Сиверсъ, стр. 474).

Чувствительность вообще окружаетъ и многія явленія тогдашней оффиціальной жизни. При первомъ представленіи намѣстнику Сиверсу, дворяне свидѣтельствовали о воодушевлявшихъ ихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Предводитель тверского, какъ старшаго уѣзда, въ краткой рѣчи отъ лица всѣхъ сказалъ Сиверсу: «Мы сознаемъ величіе изливаемыхъ на насъ отъ Ея Величества благодѣяній и къ исполненію своего долга ожидаемъ только дальнѣйшихъ повелѣній».

— Я очень радъ, отвѣчалъ Сиверсъ, что вижу здѣсь въ настоящее время, при исполненіи воли Государыни, такое единодушіе и такую съ вашей стороны ревность. Важность предстоящаго дѣла драгоцѣннаго для всей Россіи и милости, истекающія отъ нашей Самодержицы, очень велики. Сколь безпредѣльно, потому, должны быть и всеподданнѣйшее общее ихъ признаніе и благодарность».

26 января, какъ совершился уже выборъ тверскихъ предводителей дворянства, дворянскихъ засѣдателей верхняго земскаго суда и засѣдателей совѣстнаго суда, тверскіе дворяне просили намѣстника о дозволеніи соорудить Императрицѣ монументъ за изліянныя отъ нея на дворянство милости. Сиверсъ одобрилъ ихъ желаніе, обѣщалъ содѣйствовать исполненію его и назначилъ даже мѣсто для памятника, на главной площади въ Твери. Монументъ былъ послѣ поставленъ, и тамъ, гдѣ предполагали — на площади передъ губернскими присутственными мѣстами. Онъ былъ въ видѣ обелиска изъ дикаго камня съ позолоченнымъ шаромъ наверху.

Онъ простоялъ здѣсь до 1811 г., а затѣмъ былъ разобранъ съ цѣлью соорудить другой, болѣе великолѣпный; это намѣреніе пока еще не осуществилось *).

Люди, съ которыми имѣлъ дѣло гр. Сиверсъ, оказались чувствительными, свѣтскими и до нѣкоторой степени цивилизованными. Уже на первомъ обѣдѣ у гр. Сиверса онъ сказалъ окружающимъ его:

«Я въ восхищеніи отъ толикаго и знатнаго собранія, чувствительнаго къ благодѣятельнымъ Императорскаго Величества о насъ попеченіямъ».

29 января губернскій и уѣздный предводители дворянства просили намѣстника о доставленіи имъ Всемилостивѣйшаго дозволенія отправить отъ всего дворянства депутатовъ для принесенія благодарности Ея Величеству и выразили благодарность самому намѣстнику «яко ихъ началоводителю въ новомъ семъ благоденствѣ.» Гр. Сиверсъ согласился на ихъ просьбу, не докладывая даже о ней Государынѣ, и депутаты поѣхали въ Петербургъ, куда только что возвратилась изъ Москвы Императрица. Екатерина II 10 января 1775 г. выѣхала изъ Петербурга въ Москву, чтобы отпраздновать побѣды наши надъ турками и изгладить дурное впечатлѣніе только что минувшей эпохи бѣдствій чумы и Пугачевскаго бунта,—и прожила на этотъ разъ въ Москвѣ цѣлый годъ

За что же особенно было благодарить Императрицу?

---

*) Позолоченный шаръ на памятникѣ сохранился донынѣ, и, послѣ разныхъ перемѣщеній, попалъ окончательно на полукруглую крышу бесѣдки въ такъ называемомъ губернаторскомъ саду. Бронзовая доска съ памятника сохраняется въ Тверскомъ Музеѣ.

Весьма за многое. Губернскія учрежденія были завершеніемъ давняго стремленія къ власти дворянскаго сословія. Въ древней Руси дворянство не правило, а только служило, и служило, какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціи; въ первой половинѣ XVIII в. оно устроивало центральныя правительства, продолжало служить въ центрѣ и едва начинало править провинціей; во второй половинѣ этого вѣка, оно перестало обязательно служить въ центрѣ и окончательно стало править въ провинціи. Этому и помогало всего болѣе учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. Въ комиссіи 1767 г. никто изъ дворянъ не обмолвился ни единымъ словомъ о желаніи дворянства имѣть какое либо вліяніе на составъ центральнаго правительства; за то дворянство настойчиво требовало, чтобы ему предоставлено было широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Съ учрежденіемъ о губерніяхъ исполняется это послѣднее желаніе дворянства: оно становится въ провинціи правящимъ классомъ мѣстнаго общества, половина котораго—крѣпостное крестьянство—и безъ того было въ его рукахъ. Грамота дворянству 1785 г. была новымъ дополненіемъ того, что было сдѣлано для дворянства въ 1775 г. Вотъ за что верское дворянство благодарило теперь Екатерину II.

Гр. Сиверсъ въ Твери, при открытіи губерніи, былъ а высотѣ своей задачи. Дворяне всѣми его дѣйствіями осхищались и были вполнѣ довольны. О всѣхъ бывшихъ въ Твери празднествахъ, обѣдахъ, торжествахъ, рудно было и написать Императрицѣ во всѣхъ подробностяхъ. Гр. Сиверсъ потому отправилъ къ Государынѣ въ Петербургъ не простого курьера съ извѣ-

стіемъ о благополучномъ окончаніи возложеннаго на него порученія, а губернскаго прокурора Свѣчина, который, какъ очевидецъ, могъ лучше кого другого на словахъ передать Императрицѣ все любопытное, относящееся къ открытію въ Твери губерніи. Гр. Сиверс знаъ, что Императрица и всѣмъ этимъ будетъ крайне интересоваться.

Но тутъ встрѣтилось для гр. Сиверса нѣкоторое разочарованіе. Онъ ожидалъ вообще лучшаго пріема, чѣмъ какъ было принято Императрицей извѣстіе о его просвѣтительной дѣятельности въ Твери. Онъ былъ да же огорченъ, узнавши, что его мало хвалили. Екате рина догадалась только послѣ объ этомъ настроені духа своего вѣрнаго слуги и поправила сдѣланное е впечатлѣніе. Она сама потомъ написала ему нѣскольк строкъ, въ которыхъ выразила сожалѣніе, что напрасн онъ волнуется, потому что, разумѣется, всѣми его дѣй ствіями она оставалась *вполнѣ* довольной.

Гр. Сиверсъ издержалъ въ Твери 10000 р. Межд тѣмъ онъ имѣлъ уже раньше 90000 р. долгу и, чтоб достать денегъ для тверскихъ празднествъ, принужден былъ заложить даже брилліанты своей жены. Слѣдова тельно было изъ за чего ему и волноваться. Импера трица, въ концѣ 1776 г. прислала ему въ подарок наличными деньгами 70000 р. и пожаловала, кром того, бѣлорусское имѣніе болѣе чѣмъ въ 1000 душъ.

Съ своей стороны, и гр. Сиверсъ теперь был вполнѣ доволенъ такимъ счастливымъ для него оконча ніемъ открытія имъ въ Твери первой россійской гу берніи.

II

Посмотримъ съ Волги — это лучшій пунктъ, какой
іожно избрать, — на нынѣшній видъ Императорскаго
дворца въ Твери. Среди зелени окружающаго его сада,
юдъ тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ, передній неболь-
шой фасадъ дворца имѣетъ внушительный видъ. Край-
ія аллеи сада идутъ по берегу Волги. Небольшая тер-
раса выходитъ прямо изъ сада на рѣку. Видъ съ бал-
кона дворца на Волгу и Заволжскую часть Твери очень
расивъ. Дворцовый садъ самъ по себѣ не великъ, не
оскошенъ, съ узкими дорожками, но хорошъ тѣмъ,
то въ немъ сохранились до сихъ поръ нѣсколько ста-
рыхъ деревьевъ, современниковъ герцога Ольденбург-
скаго, супруга великой княгини Екатерины Павловны,
бывшаго генералъ-губернатора Тверской, Новгородской
 Ярославской губерній и главноуправляющаго путями
сообщенія при императорѣ Александрѣ I. Эти деревья —
лучшее украшеніе сада Кромѣ нихъ еще болѣе напо-
минаетъ о старинѣ и о прежнихъ высокихъ владѣль-
цахъ дворца внутреннее убранство его покоевъ. Ста-
ринная мебель — кресла, диваны, шкафы, коммоды, —
старинныя вещи: канделябры, люстры, камины, — все
это начала XIX столѣтія; вся мебель изъ краснаго
 палисандроваго дерева, съ золотой инкрустаціей, въ
стилѣ «имперіи»; все это было здѣсь, за малыми исклю-
ченіемъ, еще во времена герцога Ольденбургскаго, все
это напоминаетъ времена Александра I Благословен-
наго. Картины, нарисованныя al fresco на стѣнахъ па-
радной лѣстницы, современны тоже началу девятнадца-

таго столѣтія. Среди скромной обстановки протекала здѣсь жизнь прежнихъ высокихъ царственныхъ владѣльцевъ дворца, полная тихой семейной радости, полная любви къ Твери, которую Великая Княгиня Екатерина Павловна въ письмахъ своихъ къ историку Н. М. Карамзину называла не иначе, какъ своимъ милымъ, дорогимъ, излюбленнымъ городомъ Въ этомъ дворцѣ Великая Княгиня Екатерина Павловна поселилась 30-го августа 1809 г и жила до конца 1812 г., когда скончался ея супругъ. Какъ рано познакомилась Великая Княгиня съ Карамзинымъ, достовѣрно мы не знаемъ кажется, знакомство это относится къ концу 1809 года когда на одномъ балу въ Москвѣ Карамзинъ былъ ей представленъ, когда она осыпала его ласками и пригла шала къ себѣ въ гости въ Тверь. Графъ Ростопчинъ и князь А. П. Оболенскій помогли этому знакомству и утвердили Великую Княгиню въ высокомъ мнѣніи о Карамзинѣ. Въ 1810 г. Карамзинъ прожилъ въ Твер скомъ дворцѣ шесть дней и читалъ по вечерамъ свою исторію Великой Княгинѣ и Великому Князю Констан тину Павловичу. Потомъ въ 1811 г. Карамзинъ бывалъ тоже нѣсколько разъ въ Твери у Великой Княгини Насколько Великая Княгиня была расположена къ нему и насколько ей хотѣлось не разставаться съ нимъ, вид но изъ того, что она желала даже, чтобы Карамзинъ поселился самъ въ Твери и принялъ должность твер ского губернатора. Карамзинъ отклонилъ, впрочемъ такое предложеніе, сказавши, что онъ будетъ или дур нымъ историкомъ, или дурнымъ губернаторомъ. В время разговоровъ съ Великой Княгиней въ Твери Карамзинъ не разъ говорилъ о современномъ положе

ніи Россіи и выражалъ свое мнѣніе, далеко не благопріятное относительно разныхъ новыхъ правительственныхъ мѣръ. Умная, пылкая, очарованная Карамзинымъ Великая Княгиня упросила его изложить свои мысли письменно. Она думала передать потомъ эту записку своему царственному брату, который, говорила она, достоинъ услышать правду. Не разъ потомъ она напоминала объ этой запискѣ въ письмахъ къ Карамзину. Карамзинъ принялся, наконецъ, за работу. Такъ составилась его «Записка о древней и новой Россіи». Въ ней онъ высказалъ свой взглядъ на современное состояніе Россіи. Въ ней повторилъ онъ и главную мысль своего историческаго труда, какъ она созрѣла у него, воспитанная внимательнымъ и глубокимъ изученіемъ прошедшаго родины. Россія, говоритъ Карамзинъ въ своей «Запискѣ», какъ государство и государство сильное, создана и потомъ два раза спасена, успокоена и возвеличена самодержавіемъ; въ немъ не только надежный, прочный, но и необходимый залогъ ея могущества и благоденствія и все противное его правиламъ можетъ имѣть вредныя, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и губительныя для Россіи послѣдствія. Главная и любопытнѣйшая часть «Записки» Карамзина касалась современности, именно первыхъ десяти лѣтъ царствованія Александра I. Руководствуясь уваженіемъ къ истинѣ, любовью къ отечеству и монарху, Карамзинъ говорилъ въ ней о реформахъ государя, говорилъ то, что ему казалось справедливымъ, и то, «что нѣкогда скажетъ исторія». Какъ внѣшнюю политику того времени, доведшую Россію до униженія и безденежья, такъ и внутреннюю Карамзинъ

равно осуждалъ. Карамзинъ нападаетъ на дурное устройство войска, на открытіе университетовъ при недостаточности первоначальнаго образованія, на созданіе Сперанскаго – указъ объ экзаменахъ на чины, на запрещеніе помѣщикамъ торговать рекрутами, на намѣреніе правительства освободить крестьянъ, на разстройство финансовъ имперіи, поведшее къ увеличенію налоговъ, на жалкія попытки уложенія, которыя привели только къ переводу Наполеонова кодекса и т. п. Карамзинъ негодуетъ далѣе на новыя учрежденія и полагаетъ, что спасеніе Россіи зависитъ не отъ нихъ, а отъ выбора для службы достойныхъ людей среди дворянъ и среди духовенства.

Великая Княгиня Екатерина Павловна прочитала эту «Записку» и оставила ее у себя съ намѣреніемъ, при удобномъ случаѣ, показать ее своему Августѣйшему брату. Соглашалась ли она со всѣми мнѣніями Карамзина, — мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ самое рѣшеніе ея представить «Записку» государю говоритъ за то, что она держала сторону Карамзина. Ея мнѣніе высказалось еще въ слѣдующихъ словахъ: «Знаете ли, Николай Михайловичъ, что я вамъ скажу», замѣтила она однажды, «записка ваша очень сильна!» Ея отношенія къ Карамзину были постоянно дружескія, безъ всякихъ колебаній. Она уважала въ немъ знанія, умъ и добродѣтель, и обижалась, когда со стороны Карамзина проявлялась къ ней небольшая недовѣрчивость. «Знаете ли, что ваше послѣднее письмо могло бы насъ разсорить?» — писала она ему 3 марта 1811 г., — «вы меня обвиняете и притомъ несправедливо, въ такомъ дѣлѣ, къ которому я не допускаю легкомысленнаго отношенія съ своей стороны, а между

тѣмъ вы сами одни виноваты, потому что безъ всякаго повода къ тому подозрѣваете меня, что я могу быть флюгеромъ. Конечно, я не заслужила этого названія и докажу вамъ тѣмъ. что, не смотря на ваши слова, останусь по отношенію къ вамъ тою же, что и была». Сердечное участіе Великой Княгини Екатерины Павловны въ судьбахъ Карамзина и его Исторіи доказываетъ и ея высокій умъ. Недаромъ же ея одушевленная рѣчь и здравая разсудительность вызывали восторги со стороны ея современниковъ. Карамзинъ былъ и самъ отъ нея въ восторгѣ, называлъ ее своей Гебой, и былъ ей нелицемѣрно преданъ.

Во всемъ, что касалось Карамзина, Великая Княгиня Екатерина Павловна принимали самое искреннее участіе, считая его своимъ другомъ, человѣкомъ чувствительнымъ и добродѣтельнымъ: l'homme sensible, l'homme vertueux, какъ писала она ему въ своихъ французскихъ письмахъ. Когда въ 1810 г. попечитель Московскаго учебнаго округа Голенищевъ-Кутузовъ сдѣлалъ извѣстный доносъ на Карамзина, въ сочиненіяхъ котораго онъ открылъ гибельный ядъ, безбожіе и безначаліе, и считалъ ихъ достойными сожженія, Великая Княгиня Екатерина Павловна написала тогда Карамзину (3 іюня 1811 г.):

«Вчера сенаторъ-попечитель К. обѣдалъ у меня. Онъ нашелъ мою кухню не по вкусу, такъ какъ въ числѣ прочаго ему были поданы два блюда крайне неудобоваримыя для него: ему пришлось выслушать выраженіе моего мнѣнія о васъ и о профессорѣ Бюле, а также о моихъ чувствахъ къ вамъ обоимъ. При этомъ я имѣла случай наблюдать, какъ злые люди подчасъ

сами себя выдаютъ: его слова шли въ разрѣзъ съ его движеніями и даже съ выраженіемъ его лица. Онъ много наговорилъ хорошаго о васъ обоихъ, но онъ самъ отъ природы слишкомъ искрененъ, чтобы ему удалось кого-либо провести».

Великая Княгиня Екатерина Павловна была Меценатомъ Карамзина. Она рекомендовала его Императору Александру Павловичу съ самой лучшей стороны. Ранѣе Карамзинъ оставался ему почти неизвѣстенъ, хотя мимоходомъ и былъ разъ представленъ Государю въ 1810 г. въ Оружейной Палатѣ, въ Москвѣ. Никто другой, какъ Великая Княгиня Екатерина Павловна, не говорилъ такъ много Императору объ авторскомъ талантѣ и гражданскомъ прямодушіи историка. Она устроила, наконецъ, свиданіе своего брата съ Карамзинымъ въ Твери, въ мартѣ 1811 г., и представила его здѣсь сама въ своемъ кабинетѣ Государю. Сама Великая Княгиня обожала Государя и желала, чтобы и Карамзинъ полюбилъ его. «Онъ достоинъ того, и вы согласитесь послѣ того, какъ его услышите», писала она Карамзину 18 февраля, приглашая его пріѣхать въ Тверь для свиданія съ Императоромъ. На этотъ разъ Карамзинъ отправился въ Тверь опять со своей Исторіей, которую предполагалось читать Государю.

Государь пробылъ въ Твери пять дней отъ 15-го до 19-го марта (1811 г.) включительно.

18 марта, вечеромъ, въ присутствіи Государя, въ крайней гостинной верхняго этажа тверского дворца, гдѣ находится сходъ въ садъ, при той самой обстановкѣ, которая сохранилась здѣсь донынѣ, Карамзинъ имѣлъ счастье читать свою Исторію своимъ высокимъ

слушателямъ. Великая Княгиня сидѣла на диванѣ, Императоръ Александръ Павловичъ направо на креслѣ передъ столомъ, герцогъ Ольденбургскій на другомъ—налѣво отъ нея. Карамзинъ vis-à-vis. На столѣ горѣлъ канделябръ, и тотъ самый, который стоитъ теперь съ другимъ такимъ же парнымъ на подзеркальникѣ въ этой комнатѣ.

Лучшія страницы Исторіи Карамзина принадлежатъ послѣднимъ томамъ ея, и между ними описаніе взятія Казани, какъ chef d'oeuvre, въ то время еще не были написаны. Карамзинъ, кончивши въ это время только Василія Темнаго, самъ считалъ болѣе интереснымъ изъ всего имъ написаннаго нашествіе Батыя на русскую землю и описаніе Куликовской битвы Эти эпизоды онъ и выбиралъ для чтенія 18 марта. Эпизоды, дѣйствительно, хорошіе. Карамзинъ, выбирая ихъ, имѣлъ въ виду представить и «общее достоинство», завоеванное уже русской исторіей, въ убѣжденіи, что «нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ». Онъ справедливо думалъ, что въ русской исторіи найдутся и мысли для прагматика и красоты для живописца, что въ ней не одно скучное и утомительное Прошедшее Руси не безцвѣтно и ничтожно, и исполнено глубокаго содержанія не для однихъ русскихъ.

Ужасъ Батыева нашествія, подвиги Димитрія Донского перенесли вниманіе высокихъ слушателей къ отдаленнымъ временамъ русской исторіи, содержаніе которыхъ было между тѣмъ по духу близко современности, «когда густая туча бѣдствій уже висѣла надъ Европою, угрожая и нашему отечеству». Государь слу-

шалъ чтеніе Карамзина съ восхитительнымъ вниманіемъ, сравнивая давно минувшее съ настоящимъ и не завидовалъ славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣлъ для себя еще славнѣйшія. Такъ передалъ самъ Карамзинъ впечатлѣніе своего чтенія.

Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, отъ 20-го марта 1811 г., Карамзинъ написалъ: «Исторію мою Государь слушалъ съ непритворнымъ вниманіемъ и удовольствіемъ; никакъ не хотѣлъ прекратить нашего чтенія; наконецъ, послѣ разговора, взглянувъ на часы, спросилъ у Великой Княгини: «угадайте время: двѣнадцатый часъ!»

Положительно извѣстно, что разговоръ вечеромъ 18 марта у Государя съ Карамзинымъ былъ о самодержавіи. «Я не имѣлъ счастія быть согласенъ съ нѣкоторыми мыслями Государя, но искренно удивлялся его разуму и скромному краснорѣчію», — пишетъ Карамзинъ въ томъ же письмѣ къ И. И. Дмитріеву. Карамзинъ стоялъ за самодержавіе.

Тайна скрыла отъ насъ то впечатлѣніе, какое произвела искренняя и смѣлая рѣчь патріота-историка на сердце царя. Впечатлѣніе было скорѣе неблагопріятное. Это впечатлѣніе не было замѣчено Великой Княгиней Екатериной Павловной, иначе она не отдала бы въ этотъ же вечеръ императору, при уходѣ его въ опочивальню, для прочтенія «Записку» Карамзина. «Записка» представляла только дальнѣйшее развитіе того, что говорилъ Карамзинъ въ этотъ вечеръ о самодержавіи. Развѣ сказаннаго имъ не было уже довольно? Карамзинъ самъ не зналъ, что «Записка» теперь уже въ рукахъ Государя. Оставляя Тверь, онъ спросилъ потому о своей «Запискѣ» у Великой Княгини.

«Записка ваша теперь въ хорошихъ рукахъ», отвѣчала Великая Княгиня.

О составленіи «Записки» не зналъ никто изъ постороннихъ. «Записка» должна была оставаться тайною. «Записка» и послѣ никому изъ постороннихъ и близкихъ къ Карамзину не была извѣстна, такъ что болѣе двадцати пяти лѣтъ скрывалась подъ спудомъ и была найдена случайно въ бумагахъ Аракчеева только въ 1836 году.

Если бы Великая Княгиня угадала тайную мысль своего брата, послѣ разговора его съ Карамзинымъ о самодержавіи, она не отдала бы ему «Записки». Погодинъ справедливо говоритъ, что прежде чтенія Карамзинымъ Исторіи, она не отдавала Государю «Записки», опасаясь возстановить его противъ своего любимца, а это можно было предполагать по сильнымъ и рѣзкимъ осужденіямъ Карамзина реформъ, при всей довѣренности къ великодушію Александра. Великая княгиня желала, чтобы ея братъ познакомился прежде самъ съ Карамзинымъ и очаровался имъ, какъ была очарована она сама. И сначала все шло по ея желанію. Государь принялъ Карамзина съ отмѣннымъ благоволеніемъ, бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько разъ, выслушалъ съ великимъ вниманіемъ чтеніе имъ Исторіи, узналъ его мысли о самодержавіи, даже съ нимъ не согласныя. Теперь можно безопасно, подумала Великая Княгиня, отдать «Записку» Государю, и она отдала ее на прощанье, отходя ко сну, наканунѣ отъѣзда Государева. Такъ расчитывала Великая Княгиня и такъ она ошибалась.

Государь прочелъ «Записку» въ тотъ же вечеръ,

или утромъ на другой день — не знаемъ, — послѣднее вѣроятнѣе, — и былъ огорченъ, раздраженъ, приведенъ въ негодованіе, особенно тѣми отзывами о реформахъ, которые затрогивали его самолюбіе. Онъ выразилъ свое чувство, вольно или невольно, на другой же день холодностью при свиданіи съ Карамзинымъ въ минуту своего отъѣзда изъ Твери. Императоръ Александръ считался въ семействѣ за оракула, потому для него было слишкомъ тяжело услышать осужденіе своихъ дѣйствій передъ любимою сестрою. И думалъ онъ, быть можетъ, что и его любимая сестра такого же мнѣнія о реформахъ его, какъ и Карамзинъ. Съ глазу на глазъ, получивъ «Записку» отъ самого Карамзина, онъ, вѣрно, судилъ бы о содержаніи ея снисходительнѣе.

Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, отъ 20-го марта, Карамзинъ ни слова не сказалъ о холодности къ нему Императора при прощаніи въ Твери. Почему такъ? «Записка» должна была оставаться тайною, и потому неудобно было говорить о ней. Государь разгнѣвался на Карамзина, но вскорѣ охладѣлъ тоже и къ Сперанскому. Карамзинская «Записка» могла послужить одною изъ причинъ этой перемѣны, если не была главною

Парадная лѣстница въ Императорскомъ Дворцѣ въ Твери, съ ея картинами на стѣнахъ alfresco, осталась въ томъ же видѣ, какъ шелъ по ней 19 марта 1811 г. Императоръ Александръ, уѣзжая изъ дворца. На верху ея, у балюстрады, провожая Государя, стоялъ Карамзинъ со своею супругою. Государь прошелъ мимо Карамзиныхъ, не удостоивши ихъ не только разговоромъ, но даже поклономъ. Это случилось почти столѣтіе (92 г.) тому назадъ, и это фактъ историческій, который слѣ-

дуетъ отмѣтить. Карамзинъ былъ пораженъ холодностью къ нему Государя и долго не могъ оправиться отъ нея. Съ какимъ тяжелымъ чувствомъ онъ выѣзжалъ теперь изъ Твери! Онъ могъ думать, что сама Великая Княгиня все устроитъ къ лучшему, однако это была одна далекая надежда, въ дѣйствительности же, дорогою, когда мысли сами по себѣ шли въ голову, онъ не могъ не представить себѣ ясно всей опасности своего новаго положенія. Негодованіе Государя могло испортить всю судьбу его Исторіи, слѣдовательно, и судьбу его семейства. Безъ царской милости возможно ли было думать объ изданіи Исторіи, и эта мысль не могла не тревожить Карамзина. Ни прежде, ни послѣ онъ не дѣлалъ еще ни разу такого невеселаго путешествія изъ Твери въ Москву, какъ теперь,—на душѣ его лежалъ тяжелый камень Могъ ли онъ думать тогда, что все устроится потомъ къ лучшему, что впослѣдствіи и Государь оцѣнитъ должнымъ образомъ гражданское мужество его, что онъ признаетъ и его настоящее воодушевленіе самыми чистыми намѣреніями, самымъ искреннимъ патріотизмомъ, самой пламенной приверженностью къ престолу и къ лицу его, какъ Императора? Могъ ли онъ думать также о томъ, что Александръ I будетъ даже его другомъ, будетъ бесѣдовать съ нимъ потомъ запросто въ аллеяхъ Царскосельскаго парка, въ которомъ самъ Карамзинъ поселится на лѣто въ хорошенькомъ домикѣ, и что Исторія его увидитъ, наконецъ, и свѣтъ только благодаря милости Государя?